

Нет автора

**Чтения в Обществе истории и древностей
российских при Московском университете**

Заседание 25 января 1847 года

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете: Заседание 25 января 1847 года / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 327 с.

ISBN 978-5-4241-7399-8

ISBN 978-5-4241-7399-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

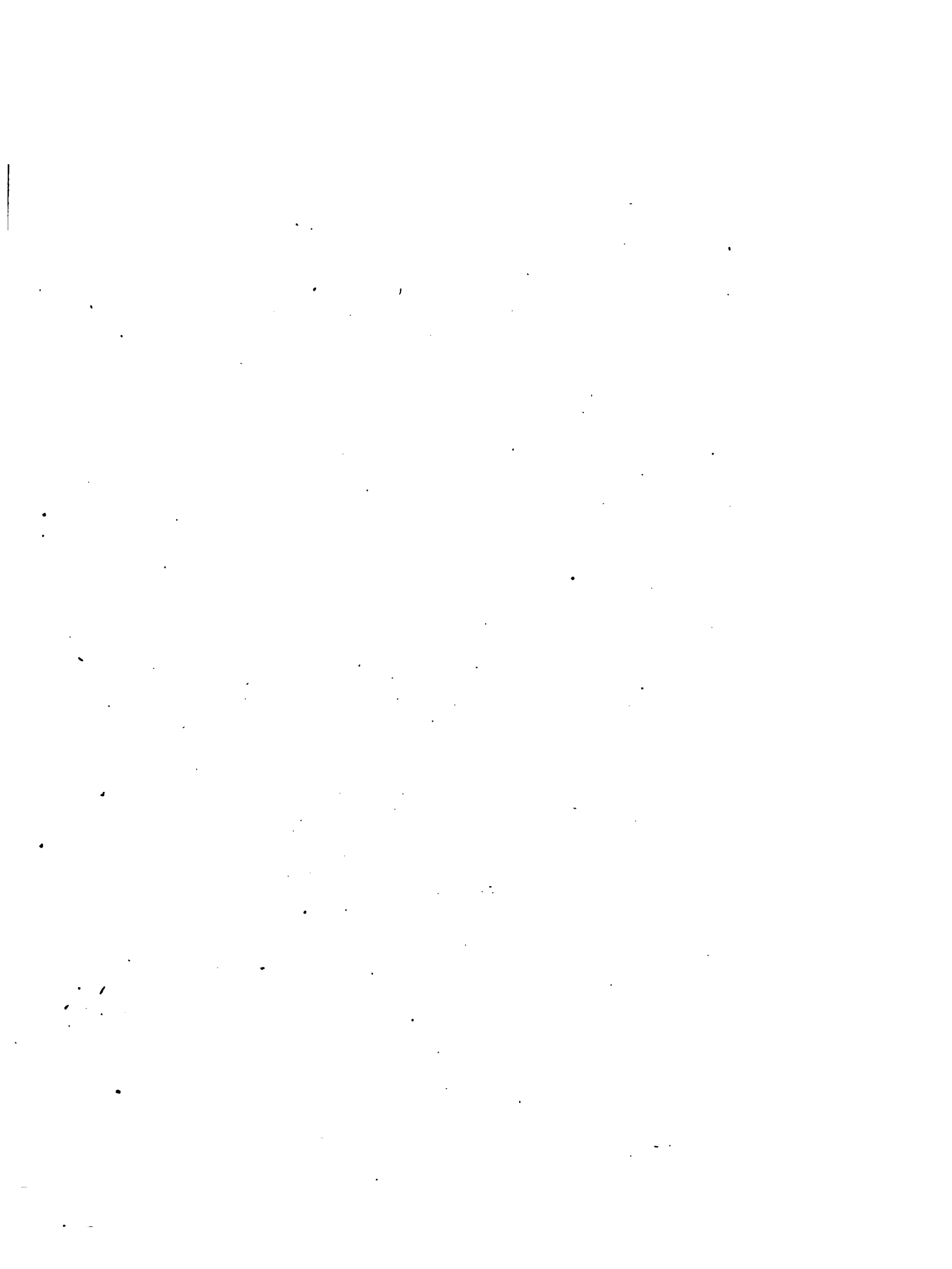
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

По опредѣленію Общества. 1847 года, генваря 25-го дня.

Секретарь О. Бодянский.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ВЪЗГЛЯДЪ НА СОСТОЯНІЕ ДУХОВЕНСТВА

въ

ДРЕВНЕЙ РУСИ,

ДО ПОЛОВИНЫ XIII ВѢКА.

(Читано 28-го декабря, 1846 г.)

У насъ нѣтъ извѣстій, изъ которыхъ¹ можно было бы почерпнуть свѣдѣнія о характерѣ языческихъ жрецовъ у восточныхъ Славянскихъ племенъ, объ ихъ отношеніяхъ къ народу. Съ достовѣрностію можно положить, что, при такомъ разрозненномъ, родовомъ быту этихъ племенъ, въ какомъ представляетъ намъ ихъ отечественный лѣтописецъ, общественное богослуженіе² не могло развиваться, а слѣд., не могло образоваться и жреческое сословіе: ясно, что при означенной формѣ быта богослуженіе должно было замѣниться частнымъ, родовымъ, при чемъ родоначальникъ былъ вмѣстѣ и священникомъ³. Такъ лѣтописецъ, говоря объ языческихъ обычаяхъ древнихъ Славянъ, нисколько не упоминаетъ о жрецахъ, которые должны были явиться уже въ последнее время, при большемъ развитіи общественнаго быта въ городахъ, но и тутъ являются они съ характеромъ гадателей, кудесниковъ, волхвовъ, съ которыми остаются и послѣ введенія Христіанства; но повторяю, что и въ это время, при языческихъ

¹ Считаю необходимымъ напомнить, что здѣсь говорится только о нашихъ восточныхъ племенахъ Славянскихъ, ибо у племенъ западныхъ Славянскихъ, при другихъ вліяніяхъ, встрѣчаемъ и другія явленія.

² Въ слѣдствіе этого и князь, какъ верховный старшійшина, скоро становится верховнымъ распорядителемъ въ дѣлахъ вѣры: отсюда объясняются слова Кіевляна при крещеніи: „аще бы се не добро было, не бы сего князь и бояре пріяли“ (Лавр. 50), ибо старшины и потомъ князь имѣли рѣшительный голосъ въ дѣлахъ вѣры; но изъ лѣтописи видно, что старшины уже прежде были согласны на принятіе Христіанства.

вліяніемъ, ибо нигдѣ не видно ихъ дѣятельности. Владиміръ, который воздвигъ столько идоловъ, не призывалъ жрецовъ на совѣтъ вмѣстѣ съ городскими старцами. „Рѣша старцы и бояре: мечемъ жребій на отрока и на дѣвицу; на негоже падеть, того заръжемъ богомъ ¹.“ — О жрецахъ ни слова! Такимъ образомъ духовенство Христіанское появилось у насъ совершенно съ новымъ для народа характеромъ; откудаже и какъ появилось оно? Разумѣется, что оно явилось въ первый разъ не при Владиміръ только. Патріархъ Фотій въ своемъ посланіи говоритъ, что Русь уже приняла Епископа; Багрянородный говоритъ, что Императоръ Василій Македонянинъ отравилъ къ ней также Архіепископа; при Игорѣ Русь раздѣлялась на Христіанскую и нехристіанскую; при Святославѣ, мать князя была христіанка и держала при себѣ священника ²; послѣ этого ясно, что Христіанство было на Руси и до Св. Владиміра, не будучи только религією господствующею. Но если Христіанство было распространено, то долженствовало имѣть мѣсто общественное богослуженіе, долженствовало существовать духовенство, книги богослужебныя: только такое давнее существованіе духовенства на Руси и неразлучной съ нимъ грамотности можетъ объяснить намъ явленіе Митрополита Иларіона при сынѣ св. Владиміра. По съ торжественнымъ признаніемъ Христіанской религіи господствующею, съ распространеніемъ круга дѣятельности духовенства, явилась потребность въ скоромъ увеличеніи числа дѣятелей, и мы встрѣчаемъ извѣстіе, что при Владиміръ духовныя лица являлись къ намъ изъ Греческихъ областей ³. Однако, какъ бы ни было велико число пришлого духовенства, все оно было недостаточно для настоящихъ потребностей, для крещенія и наставленія безъ числа людей, какъ говоритъ летопись, слѣд., главную массу духовенства должны были составлять Русскіе духовные, которыхъ число быстро и постоянно увеличивалось, тѣмъ болѣе, что одни только они были князьяхъ, они не играли важной роли, не пользовались большимъ

¹ Давр. 35.

² Тамъ же, 29.

³ Давр. 50: „Володимерь же посемъ поемъ царицу, и Настаса, и помы Корсуньски.“ — Разумѣется, что не всѣхъ ценовъ могъ онъ вывести изъ Корсуна. Тамъ же: „Шатурія же изыде Володимерь съ помы царицины и съ Корсуньскими на Дънепръ.“ — Прибавл. къ Ипатьев. стр. 258.

способны для непосредственнаго сообщенія съ народомъ: „И нача (Владиміръ) ставити по градомъ церкви и помы, и люди на крещеніе приводити по всьмъ градомъ и селомъ ¹.“ Здѣсь разумеются города и села ближайшіе къ Кіеву; но скоро дѣятельность духовенства распространилась и на отдаленнѣйшіе: „Посла (Владиміръ) съ ними (съ сыновьями своими) и священники, заповѣдая ошномъ своимъ, да каждо по всей области своей повелѣваетъ учити и крестити людей, и церкви ставити, еже и бысть ².“ Припавшая изъ Греціи духовныхъ, князь прежде всего долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобъ впредь не было недостатка въ способныхъ, грамотныхъ священнослужителяхъ, и потому летописецъ упоминаетъ о первыхъ училищахъ, явившихся при Владиміръ ³. Близость Византіи и тѣсная связь съ нею помогали церковному благолѣшию: изъ Корсуни привезены были иконы и св. сосуды, оттуда же явились и пѣвцы, по нѣкоторымъ извѣстіямъ ⁴. Говорится даже, что еще при Владиміръ явились изъ Греціи монахи, хотя мы не видимъ монастырей до временъ Ярослава I-го; любопытно, что Иларіонъ относитъ первое появленіе монастырей и черноризцевъ также непосредственно за крещеніемъ: „монастыреве на горахъ стаща; черноризцы явишася ⁵.“ При Ярославе I-мъ распространеніе Христіанства и грамотности продолжалось: есть извѣстіе, что В. Князь основалъ училище въ Повгородѣ, набравъ туда дѣтей священническихъ и старостовскихъ; при немъ черноризціи начали умножаться, говоритъ летописъ ⁶: изъ этихъ словъ можно заключить, что они были и прежде, только въ маломъ числѣ. Владиміръ, говоритъ летописъ, просвѣтилъ Русь крещеніемъ: Ярославъ насыалъ книжными словесами сердца вѣрныхъ людей ⁷. Доказательствомъ успѣховъ книжнаго ученія во время Ярославово служить явленіе Иларіона, перваго Кіевскаго Митрополита изъ Рускихъ: въ 1051 году Ярославъ, охлажденный къ Византіи недавнею распріею, захотѣлъ видѣть Русскаго въ челѣ церкви ⁸. Съ этою цѣлію собранные въ Кіевъ Епи-

¹ Лавр. 51.

² Прибавл. къ Ипатьев. стр. 259.

³ Лавр. 51.

⁴ Прибавл. къ Ипатьев. стр. 256; Никон. 1,142; Степ. кн. 1,224.

⁵ Творен. св. Отцевъ, ч. II, кн. 2, стр. 241.

⁶ Никон. I. 134.

⁷ Тамъ же.

⁸ Тамъ же, стр. 139.

скопы посвятили Иларіона, пресвитера и монаха; выборъ былъ удаченъ, ибо никто, кромѣ Иларіона, не можетъ дать болѣе выгоднаго понятія о свосмъ вѣкѣ. У современниковъ онъ былъ извѣстенъ за мужа благаго, книжнаго и постника¹: мы видимъ въ немъ замѣчательнаго писателя церкви.

По смерти Ярослава Христіанство распространилось неослабно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, встрѣчало себѣ сильныя препятствія въ язычествѣ, глубоко еще вкорененномъ въ народѣ, въ нравахъ того времени. Язычество еще не отказалось отъ своего господства, и высмаловало изъ сѣверныхъ пустынь и лѣсовъ фанатиковъ для прельщенія народа, не окрѣпшаго въ новой религій. Такъ въ 1071 году явился въ Кіевѣ Волхвъ, или языческій жрецъ древнихъ Славянъ и Финновъ; онъ разглашалъ, что пять боговъ внушили ему слѣдующее: повѣдай людямъ, что черезъ четыре года Днѣпръ потечетъ назадъ и страны переменятъ свое положеніе, что Греческая земля очутится на мѣстѣ Русской, а Русская на мѣстѣ Греческой. Невѣжды слушали его, прибавляетъ лѣтописецъ, но вѣрныя смѣялись, и въ одну ночь волхвъ пропалъ безъ вѣсти²: быть можетъ насмѣшники нашли средство отъ него отдѣлаться. Въ Кіевѣ, гдѣ уже давно было распространено Христіанство и гдѣ, въ слѣдствіе частыхъ сношеній съ Греціей, было больше просвѣщенія, волхвы находили вѣрныхъ, которые смѣялись надъ ихъ лѣсными вдохновеніями. Не такъ было на Сѣверѣ, куда Христіанство едва проникло, и гдѣ Финнское язычество было еще въ силѣ. Въ томъ же 1071 году, въ Ростовской области произошелъ голодъ. Волхвы явились на сцену, разгласили въ народѣ, что женщины виноваты въ бѣдствіи, и убивали нещастныхъ; потомъ съ огромною толпою фанатики пробрались на Бѣлоозеро, распространяя всюду тѣже самыя нещастности и преслѣдуя женщинъ; здѣсь на Бѣлозерѣ воевода В. Князя Святослава, Янъ, съ опасностію собственной жизни, едва успѣлъ скватить злодѣевъ и пресвѣчъ народное волненіе. Но это явленіе еще ничего не значитъ въ сравненіи съ тою опасностію, какою грозило язычество Христіанству въ Новѣгородѣ. Здѣсь явился также волхвъ, который оболѣстилъ почти всѣхъ жителей города³: такъ еще было слабо Христіанство на Рѣверѣ! Этотъ волхвъ

¹ Кѣнигсб. 108.

² Лавр. 75.

³ Сосв. врем. 1,163 и слѣд.

квалился, что одаренъ предвидѣннѣмъ, явнѣ хулилъ Христіанскую вѣру, обѣщаль чудеса; митрею всталъ въ городъ, смерть грозилъ Епископу Осодору. Тогда послѣдній вышелъ къ народу въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукѣ, и сказалъ: „Кто вѣритъ волхву, тотъ пусть идетъ за нимъ; кто же вѣруетъ во Христа, пусть идетъ ко мнѣ“. Князь Глебъ Святославичъ съ дружиною стали на сторонѣ Епископа, но все остальное народонаселеніе пошло къ волхву. Только необыкновенное присутствіе духа Князя Глеба спасло Епископа: Глебъ подошелъ къ волхву и спросилъ его: „Знаешь ли, что съ тобою будетъ нынче!“ — Все знаю, отвѣчалъ волхвъ: я сотворю великія чудеса.“ Князь, не говоря ни слова, вынулъ топоръ и разрубилъ волхва. Это открыло глаза народу, и толпа разсыпалась. Вытѣсняемое все болѣе и болѣе изъ предѣловъ Славянокнхъ, азѣчество нашло пріютъ у Финновъ: въ Чудь ходили изъ Новгорода оговѣтоваться съ прежними жрецами своими¹.

Противъ всѣхъ этихъ препятствій Христіанство, какъ вездѣ, такъ и у насъ на Руси, выставило рядъ борцовъ, которые дивными духовными подвигами могли внушить благоговѣніе къ религіи, давшей имъ силы къ этимъ подвигамъ, могли, во имя религіи, обуздывать грубыя страсти въ новообращенномъ народѣ: я разумно древнихъ иноковъ. Достоверное и прямое свидѣтельство указываетъ намъ монастыри при Ярославі І-мъ; двѣ его и даже бояре ихъ также строили новые монастыри, обоготали старыя. Но монахи этихъ княжескихъ и боярскихъ монастырей, какъ видно, не были способны внушить къ себѣ благоговѣніе, не были способны благотвельно дѣйствовать на общество. Для этого нужны были другаго рода монастыри, другаго рода монахи: „Мнози бо монастыри, говоритъ летописецъ, отъ царь и отъ бояръ и отъ богатства поставлены, но не суть тацѣ, кацѣ суть поставлены слезами, пощенемъ, молитвою, бдѣннемъ“². Таковъ былъ знаменитый монастырь Киевопечерскій, которому принадлежитъ самое высшее мѣсто въ исторіи Русской гражданственности. Онъ былъ основанъ при В. Князѣ Изяславѣ Ярославичѣ, Антошемъ³, родомъ изъ Любеча. Этотъ Антоній, еще будучи мѣрянномъ, отправился на Аѣонскую гору и постригся тамъ. По-

¹ Лавр. 77.

² Тамъ же, 69.

³ Тамъ же, и Патер. Печер.

стригий его игумень отправилъ его назадъ въ Русь, чтобы онъ былъ тамъ образцемъ иноковъ; Антоній пришелъ въ Кіевъ и поселился въ пещеру, гдѣ нѣкогда уединялся знаменитый митрополитъ Иларіонъ, еще будучи простымъ священникомъ. Скоро узнали въ Кіевѣ, что въ Иларіоновой пещерѣ живетъ монахъ, который ни днемъ ни ночью не знаетъ покоя, вѣтъ черезъ дѣрсухой хлѣбъ и козаетъ пещеру. Въ тотъ вѣкъ народной юности, побуждавшей людей, выше обыкновенныхъ, къ чрезвычайнымъ подвигамъ, въ этотъ вѣкъ подвиги Антонія не могли не породить воображеніе. Какъ подлѣ знаменитаго мняа, воздѣ собиралась многочисленная дружина хрибрецовъ, во всѣмъ ему подобныхъ, какъ вокругъ великаго подвижника Христіанства скоро собралась многочисленная братія, подобная своему игумену. Знаменитые дружинники великокняжескіе увидѣли, что ихъ воинскіе подвиги ничто въ сравненіи съ подвигами иноческой дружины Антонія; бояре В. князя являлись въ Печерскій монастырь, сбрасывали боярскую одежду къ ногамъ св. игумена, и давали обѣтъ нищеты и подвиговъ духовныхъ. Но слава новаго монастыря еще болѣе усилилась при игуменѣ Феодосіѣ. Это былъ человекъ, одаренный непоколебимою силою воли, которая не знаетъ препятствій и даетъ человеку царственную власть надъ умами и волею собратій. Еще въ ранней молодости Феодосій преодолѣлъ все прецѣды, которыя поставила ему воля родныхъ, принявъ иноческій образъ и былъ поставленъ отъ Антонія игуменомъ новаго Печерскаго монастыря. Еще Антоній вступилъ во враждебное столкновение съ В. Княземъ Изяславомъ. Последний, видя, что вельможи покидаютъ его дворъ для тѣсной пещеры Антонія, озабочился на Печерскихъ иноковъ, грозился выгнать ихъ изъ Кіева и раскопать ихъ пещеру. Не смотря однако на такіа неурязненныя отношенія Изяслава къ монастырю, Феодосій не уступилъ взять сторону этого князя противъ брата его Святослава. Когда Черниговскій Князь отнялъ столъ у старшаго брата и всѣ признали право сильнаго, одинъ только игумень Печерскій не призналъ этого права, въ одномъ Печерскомъ монастырѣ на ектеніяхъ продолжали поминать Изяслава, какъ стольнаго князя и старшаго въ родѣ; Святославъ терпѣлъ и съ благоговѣніемъ слушалъ увѣщанія Феодосія. Не одинъ изгнанникъ Изяславъ находилъ въ Печерскомъ игуменѣ своего ходатая: обиженный въ судѣ шелъ съ жалобою къ Феодосію, и судья долженъ былъ перерывать дѣло, разъ уже имъ рѣшенное. Но и этимъ не удов-

дѣйствительность ревности Феодосія: ночью, когда все успокоивалось, онъ ходилъ въ Жидовскую часть города и тамъ вступалъ въ споры съ врагами своей вѣры, а между тѣмъ въ его кельи день и ночь сидѣлъ монахъ и переписывалъ книги. Ревность Феодосія перешла и къ братіи. Отдаленный Тмутаракань, убѣжище изгнанника Князей, былъ убѣжищемъ и монаховъ Печерскихъ. Туда явился одинъ изъ нихъ, Никонъ, убивъ гнѣва Изаслава. Христіанство было очень слабо распространено въ Тмутаракани, обитатели же имѣли тамъ никакого понятія. Дикой народъ обрѣтъ былъ изумленіемъ, когда увидѣлъ иноческіе подвиги Никона; толпами сходился смотрѣть на дивнаго человека, и скоро подлинился его вліянію; скоро мы видимъ этого Никона въ члѣ народа, посредникомъ въ сношеніяхъ его съ князьями. Кроме этого Никона, Петерскій монастырь выставилъ рядъ проповѣдниковъ Христіанства, Епископовъ, летописцевъ. Инокъ этого монастыря, св. Кукиша, пошелъ къ полудикимъ Витичамъ проповѣдывать Христіанство и убивался вѣнцомъ мученическимъ. Другой, св. Леонтій, пошелъ далѣе, въ Ростовъ, гдѣ также палъ жертвою своей ревности. Но ему на смѣну не побоялся пойти св. Исая, также иннокъ Кіевопечережаго монастыря. Когда пришелъ Исая въ Ростовъ, то увидя тамъ, по словамъ автора житія его „сирѣчьномъ своимъ оубы, людоу глѣглю новокрещенныхъ, не удобръ утвержденныхъ въ вѣрѣ, содратанася сердцемъ“¹. Исая исходилъ всю область, уча народъ, пожигая идоловъ, разоряя капища. Но и ревности этого Епископа, равно какъ знаменитаго игумена Авраамія (умершаго въ 1010 году), не было достаточно для совершеннаго искорененія язычества въ Ростовѣ: въ XII вѣкѣ, въ самомъ Ростовѣ кланялись идоламъ на Чудской улицѣ — свидѣтельство, какъ еще сильнѣе было на Северѣ Финскій элементъ, который гораздо упорнѣе стоялъ за язычество, чѣмъ Славяскій.

Означенные подвиги не замедлили произвести свое дѣйствіе: они спускали духовенству всеобщее уваженіе. Въ одномъ сочиненіи, относящемся къ XII вѣку, говорится: „Сіа внутренняя добродѣтели святыхъ мниховъ житіе паче мірской власти сіиють чудесы, и тѣхъ ради мирскыя вельможи свою поклоняють глѣду мнихомъ“². Епископъ Симонъ пишетъ къ чернецу Поликарпу: „Се виждь, яко блажимъ еси здѣ отъ Князь и отъ боярь и отъ

¹ См. обо всемъ этомъ Патер. Печер.

² Памяти. Слов. XII в. стр. 127.